

ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ КИРЬЯНОВ

*доктор исторических наук, профессор, декан историко-политологического факультета, зав. кафедрой новейшей истории России
Пермского государственного национального исследовательского
университета (г. Пермь)
E-mail: ikiryayov@yandex.ru*

В статье рассматриваются основные тенденции в развитии зарубежной историографии парламентской истории России начала XX в. от ее зарождения до настоящего времени, анализируются ключевые для этого направления публикации. Существенное внимание уделяется характеристике противоречивого взаимодействия зарубежной русистики и отечественной историографии в данной предметной области.

Ключевые слова: зарубежная русистика, Государственная дума, Государственный Совет.

Зарубежная историография парламентской истории позднеимперской России

В исторической литературе о политической модернизации Российской империи в начале XX в. можно встретить различные определения ее сущности: и «второй шаг на пути превращения самодержавия в буржуазную монархию», и «конституционный эксперимент», и «первый опыт демократического транзита». Но, независимо от методологического кредо того или иного автора, исследования не обходятся без более или менее обстоятельного анализа деятельности Государственной думы, реже — реформированного Государственного совета. Общее количество русскоязычных публикаций, посвященных законодательным палатам, перевалило за шесть тысяч наименований.

В зарубежной русистике изучение эволюции политической системы позднеимперской России началось параллельно с самим этим процессом¹. Иностранные исследователи, среди которых преобладали правоведы, анализировали законодательные акты периода реформы, формально-правовой статус и политические практики взаимоотношений императора, правительства, Государственной думы и Государственного совета, думские избирательные кампании. В частности, П. Шаль, не будучи сторонником парламентского режима для России, полагал, что она вступила на путь конституционного развития, при этом в дореформенном Государственном совете, в отличие от своих российских коллег, он видел «эмбрион парламента». Вместе с тем французский ученый отмечал ограниченность законодательной функции двухпалатного парламента, ущербность его финансовых прав, не имевшую аналогий в других странах с действовавшими парламентами².

Проблеме конституционной модернизации российской монархии посвятил в 1906 г. специальную работу М. Вебер, в ней впервые был сформулирован ряд положений его концепции социологии власти. Анализируя сложившуюся в России систему взаимоотношений в треугольнике «парламент — бюрократия — корона»,

М. Вебер определил ее как мнимый конституционализм (Scheinkonstitutionalismus) в противоположность английской конституционной системе, поклонником которой он был. Мнимый конституционализм, по мнению немецкого социолога, предполагает «исчезновение последних элементов самодержавия в старом смысле и установление власти модернизированной бюрократии» при наличии «призрачного парламента»³.

В первые постреволюционные десятилетия сюжеты из парламентской истории России начала XX в. за пределами СССР чаще всего обсуждались представителями русского зарубежья. Специфика данного историографического процесса заключалась в том, что он во многом являлся продолжением либерального направления в дореволюционной России. В центре внимания оставались примерно те же проблемы, но рассматриваемые теперь уже с учетом горького политического опыта. Для историко-политической публицистики русского зарубежья характерно выяснение «отношений», поиск «виноватых» и размышления о том, что было сделано неверно. С критикой политической линии кадетов, проводимой в период первого и второго созывов Государственной думы, милюковского тезиса о «неискренних уступках»⁴ старой власти общественным течением выступил В.А. Маклаков. Им был сформулирован «парадокс», согласно которому в период Государственной думы первого созыва «конституцию» защищало правительство, а «пережитки самодержавия» — Дума. Главный грех Думы первого созыва, полагал В.А. Маклаков, заключался в том, что она «подорвала... мистику конституции». Он утверждал, что кадеты были «во многом повинны в неудаче нашего конституционного опыта»⁵.

В работах профессиональных историков из эмигрантской среды получило распространение понятие «думская монархия», введенное С.С. Ольденбургом. Подчеркивая в сравнении с дореформенными порядками широкое осуществление в период думской монархии гражданских свобод, историк отмечал вместе с тем, что «строй думской монархии, со всеми его теоретическими и практическими недостатками, был для России XX-го века тою мерою свободы, которая — по выражению Бисмарка — существует для всякого государства и превышение которой быстро приводит, через анархию, к утрате всякой свободы»⁶.

В своей работе, впервые изданной в 1939 г., С.С. Ольденбург сетовал на то, что «почти нет обстоятельных иностранных исследований, посвященных этому строю»⁷. И действительно, в центре внимания зарубежных русистов той поры была революция 1917 г., а политическая история предреволюционного десятилетия не находила своего исследователя. Первой работой, акцентированной на изучении политического процесса в позднеимперской России, стала монография американского историка А. Левина, в основу которой была положена защищенная им докторская диссертация⁸. Будучи студентом Йельского университета, он приобщился к занятиям русской историей под руководством профессора Г.В. Вернадского и впоследствии стал ведущим американским специалистом по истории предреволюционной России. В своем исследовании, включавшем 14 глав и 10 приложений, А. Левин во многом связывал приход большевиков к власти с неудачей «конституционного эксперимента», центральным звеном которого была деятельность Государственной думы. Эта работа основывалась на ограниченной источниковой базе, состоявшей из

опубликованных материалов: законодательных актов, документов думского делопроизводства и эго-документов политиков предреволюционной России, преимущественно либеральных. Узкая по вполне объективным причинам источниковая база в течение длительного времени сдерживала приращение знания в зарубежной историографии Государственной думы Российской империи.

Всплеск исследовательского интереса в зарубежной русистике к парламентской проблематике начала XX в. произошел в 1960-е гг. Во-первых, именно тогда для западной историографии наиболее важной исследовательской проблемой становится уже не сама революция 1917 г., а причины, к ней приведшие. Так, со второй половины 1960-х гг. в Колумбийском университете под руководством Л. Хэймсона функционировал семинар магистров и аспирантов, посвященный проблемам российской «высокой политики» в межреволюционный период. В самом начале работы семинара Л. Хэймсон задал вопрос, на который молодые исследователи должны были ответить в конце своего обучения: «Почему те, кто имели власть в России, ее потеряли?»⁹.

Во-вторых, для западных историков «приоткрылись» российские архивы. В частности, после подписания в 1958 г. советско-американского соглашения о научном обмене заокеанские русисты получили возможность проходить длительные стажировки в академических и вузовских центрах СССР, работать в столичных исторических архивах. Другое дело, что они сталкивались с массой трудностей в реализации своих научных планов. По свидетельству Т. Эммонса, впервые приехавшего на стажировку в МГУ осенью 1962 г., «в 60-е годы и в известной степени в течение всего доперестроечного периода права пользования архивными материалами, особенно в хранилищах Главархива, были для иностранных исследователей весьма ограниченными. Документы, прежде не использованные советскими исследователями, иностранцам не выдавались. Не выдавались также описи и т.д. В большинстве случаев стажеру приходилось очень долго ждать разрешения работать в каком-то определенном архиве; иногда разрешение выдавалось буквально накануне отъезда человека домой»¹⁰. Между тем с этого времени для серьезных исследователей отсутствие архивных материалов становится препятствием для публикации монографий с результатами своих научных изысканий. Так, А. Коррос, готовя диссертацию о Государственном совете, в 1969–1970 гг. прошла стажировку в СССР, но так и не получила разрешения на работу с документами Госсовета в ЦГИА (ныне – РГИА). Защитив диссертацию в 1974 г., она отложила написание книги до тех пор, пока не сможет использовать архивные источники. По разным причинам осуществить желаемое А. Коррос удалось лишь в середине 1990-х гг. И только в 2002 г. она опубликовала давно задуманную монографию¹¹.

В-третьих, этот всплеск явился реакцией на аналогичное оживление интереса к рассматриваемой проблематике у советских историков. Учитывая принципиальное различие в методологических подходах, наметившаяся в обоих историографических потоках тенденция к комплексному анализу Государственной думы как политического института не могла не привести к дискуссиям, преимущественно, заочным. На страницах советских научных изданий зарубежные русисты присутствовали, как правило, в качестве «буржуазных фальсификаторов». В свою очередь, зарубежные русисты критиковали интерпретации советских авторов большинства сюжетов из думской истории. Принципиальные расхождения в оценках приводили к тому, что

свет могли увидеть монографии с одинаковыми названиями¹². Чаще всего объектом критики становились положения, отстаивавшиеся А.Я. Аврехом. В качестве примера можно сослаться на заочную дискуссию между советским историком и британским русистом Дж. Хоскингом о так называемом «механизме двух большинств», как о *сознательно созданном* инструменте правительственной политики в рамках третьеиюньской монархии. А.Я. Аврех постоянно утверждал, что «два большинства были не случайным, а рассчитанным результатом», напрямую связанным с третьеиюньским избирательным законом¹³. В свою очередь, Дж. Хоскинг утверждал, что не имеется прямых свидетельств, указывающих на то, что создание подобного механизма было в планах правительства. По его мнению, «сложно поверить, что правительство могло придумать нечто более изощренное, чем создание умеренно-консервативного большинства, состоявшего преимущественно из землевладельцев»¹⁴. Представляется, что в той давней дискуссии прав был британский русист — не получив в результате выборов устойчивое проправительственное большинство, П.А. Столыпин и лидер октябристов А.И. Гучков попытались сформировать его уже в самой Думе, но в итоге создать удалось только этот пресловутый «механизм двух большинств».

Зарубежных исследователей привлекали сюжеты, связанные с реформой государственного строя Российской империи, социальными основаниями и характером третьеиюньской политической системы, взаимоотношениями императора и правительства с законодательными учреждениями¹⁵; избирательными кампаниями и ролью политических партий в Государственной думе¹⁶; составом и деятельностью Государственной думы и Государственного совета¹⁷.

Широко дискутировался в работах западных русистов 1960-х—1980-х гг. вопрос о характере политической системы Российской империи в межреволюционный период, точнее о возможностях России адаптироваться к либеральной модели в ее западном варианте. Если в работах начала 1960-х гг. доминирующим был «оптимистический» взгляд на эту проблему¹⁸, то в более позднее время в оценках перспектив мирной модернизации России усиливался пессимизм¹⁹. По мнению Т. фон Лауэ, либеральная модель оказалась неприемлемой для России в силу «нерусскости» либерализма как такового²⁰. Некоторые историки употребляли весьма эмоциональные выражения для оценки реформ и попыток придать самодержавию конституционный характер, например, «политический абсурд» или «предсмертные конвульсии»²¹. Впрочем, ряд исследователей полагал, что, в силу особенного исторического опыта России, уникальности ее конституционализма, и вовсе не следует о ней рассуждать в ключе модернизации по западному образцу²².

К «классике жанра» в западной историографии парламентской истории поздней имперской России следует отнести работу Дж. Хоскинга, посвященную анализу политической системы третьеиюньской монархии. Для английского русиста история третьеиюньской системы — это история попыток взаимодействия власти с умеренной частью российского общества. При этом, как полагает исследователь, период первых двух думских созывов не был «серьезной проверкой конституционной системы, введенной в 1905—1906 гг.» в силу преобладания в Думе «радикалов и

революционеров». Только в рамках третьионьской системы «конституционный эксперимент» мог показать свою «жизненность»²³. Неудачу данного «эксперимента» Дж. Хоскинг связывает с «двусмысленностью» и наличием «лазеек» в правовом основании конституционной системы — Основных государственных законах 1906 г., с «консервативной» ролью Государственного совета, но в большей степени с тем, что «общественность» и «власть» не смогли прийти к прочному сотрудничеству вследствие отсутствия того, что сегодня принято называть базовым консенсусом²⁴.

Другой «классической» работой, без ссылок на которую в настоящее время не обходится практически ни один автор, исследующий парламентскую историю России начала XX в., стала опубликованная в 1983 г. монография американского русиста Т. Эммонса о первой думской избирательной кампании²⁵. Данная работа принципиально отличалась от изданной в 1962 г. монографии советского историка С.М. Сидельникова «Образование и деятельность первой Государственной думы» и по качеству источниковой базы, и по объему обработанных статистических данных, представленных в 22 таблицах²⁶, и по детальности их анализа, и по обобщениям, касающихся влияния «первых национальных выборов» на развитие стратегий российских политических партий. Между тем Т. Эммонс, как и большинство зарубежных русистов в 1960-х — 1980-х гг., не говоря уже о советских историках, не смог перешагнуть через «третьионьский порог», полагая, что «политическая ситуация в Российской империи накануне Первой мировой войны не сулила ничего хорошего для эволюции политической системы, вне зависимости от того, пошла бы она по западноевропейской или по центральноевропейской модели. Реформирование системы, направленное к тому, чтобы сдвинуть центр политической власти от короны и бюрократии к парламенту, бывшее на пике с 1904 по 1907 г., потерпело поражение, а его инструменты — конституционные партии — были обречены на быстрое угасание в последующие годы. В свою очередь, консервативному реформизму Столыпина оказалось не под силу обеспечить себе прочный фундамент для поддержки и признания в новых законодательных институтах, правительстве или при дворе»²⁷.

Истоки современной ситуации в зарубежной историографии парламентской истории России начала XX в., впрочем и в историографии позднеимперской России в целом, связаны с распадом СССР. Американская исследовательница Дж. Бурбэнк, подводя итоги симпозиума «Воссоздание истории имперской России», прошедшего в ноябре 1991 г. в Университете штата Айова, отметила, что «одним позитивным и, с интеллектуальной точки зрения, ободряющим последствием... коллапса Советской власти» стало возросшее внимание к истории Российской империи накануне 1917 г.²⁸ Ее коллега М. Конрой также выделяла рубеж 1980-х — 1990-х гг. как время «вызова и пробуждения» для специалистов по российской истории и, прежде всего, по истории позднеимперской России²⁹. В частности, неудача горбачевской перестройки и трудный опыт становления современной России актуализировали появление серии исследований, посвященных попыткам П.А. Столыпина обновить Российскую империю в начале XX в.³⁰

Попытки переосмысления российского «конституционного эксперимента» начала XX в. привели к возобновлению дискуссии между «оптимистами» и «пессимистами».

В наиболее явной форме пессимистическая оценка выражена в работе П. Уолдрона, отметившего, что «конституционная структура» была только видимостью, фасадом, а новую политическую систему в целом отличали слабость и полная дисфункциональность, оторванность от населения, вследствие чего в России отсутствовали естественные источники поддержки тех реформ, которые предлагал Столыпин³¹. Далеко не случайно один из рецензентов (А. Коэн) отметил, что своей книгой П. Уолдрон дает ясный ответ «нет» на вопрос о том, имел ли Столыпин реальный шанс «спасти» Россию и предотвратить новую революцию³².

Оптимистическая точка зрения полнее всего представлена в сборнике статей под красноречивым названием «Возникновение демократии в поздней имперской России», изданной в том же 1998 г. под редакцией М. Конрой³³. А в рецензии на книгу П. Уолдрона М. Конрой, по поводу его сетований относительно того, что реформам Столыпина препятствовала, главным образом, неспешность их обсуждения в Думе и Государственном совете, замечает, что «парирование и нанесение ударов» законодательной властью во взаимоотношениях с правительством свидетельствует о «развитии совместной законодательной деятельности и о возникновении демократии в поздней имперской России»³⁴.

Заметным событием в западной историографии проблемы стала публикация книги А. Коррос, явившейся результатом более чем тридцатилетнего изучения истории реформированного Государственного совета. В этой работе, сразу названной рецензентами «новаторской»³⁵, А. Коррос впервые в зарубежной русистике попыталась проанализировать трансформацию Государственного совета в «конституционный период» (данное понятие в работе применяется только завыченным) в «работающий законодательный институт». Американская исследовательница опровергает традиционные для ее западных коллег суждения о монолитности Государственного совета, безраздельном доминировании в нем группы правых, подчеркивая при этом активную роль группы центра в реализации политики П.А. Столыпина. По ее мнению, именно при Столыпине с осени 1907 г. Государственная дума и Государственный совет функционировали как «истинные законодательные палаты», другое дело, четыре года — это слишком короткий период, чтобы «развить менталитет и ответственность зрелого законодательного учреждения»³⁶. А. Коррос отмечает, что только после парламентского кризиса 1911 г. Государственный совет «становится тем, чем он задумывался быть» (именно так называется заключительная, седьмая, глава монографии: «The State Council Becomes What It Was Supposed to Be») — в «надежный консервативный законодательный орган»³⁷.

Современная историографическая ситуация характеризуется заметным смещением акцентов от изучения деятельности собственно российского парламента к исследованию провинциальных электоральных, шире — политических практик. Так, американский историк Д. Раусон в своем обстоятельном труде о российской правой достаточно подробно анализирует три избирательные кампании правых в Государственную думу в 1906—1907 гг. Основываясь на архивных документах и материалах местной газетной периодики, Д. Раусон указывает на эволюцию отношения правых

партий к думской деятельности, подчеркивая, что избирательные кампании пре-вращались в центральный пункт их политической «повестки дня», способствовали росту влияния этих организаций, в том числе и на местном уровне³⁸.

В свою очередь, немецкий русист Д. Дальманн сосредоточил внимание на электоральных практиках кадетов, с одной стороны, во Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерниях, там, где кадеты смогли добиться значительных успехов в ходе первых двух избирательных кампаний, с другой стороны, он анализирует аналогичные практики в Саратовской губернии, являвшейся «цитаделью левых партий и провинцией с национальными меньшинствами»³⁹. Ослабление электорального потенциала местных кадетских организаций в двух последующих кампаниях Д. Дальманн склонен связывать с нарастанием поляризации и дифференциации в обществе, что объективно сужало социальную базу либералов, а также с растущим политическим опытом их политических противников и собственными просчетами, включая технологические, на выборах в 1907 и 1912 г.⁴⁰

Особое место в зарубежной историографии Государственной думы и Государственного совета Российской империи всегда занимали работы польских историков, которых интересовали исключительно сюжеты, связанные с избирательными кампаниями в Царстве Польском, деятельностью Польского кола в российском парламенте, биографиями парламентариев-поляков, сыгравших, кстати, существенную роль в восстановлении польской государственности после Первой мировой войны⁴¹.

В последние годы акцентированным вниманием к данным сюжетам выделяется научное творчество профессора Варминско-Мазурского университета Р. Юрковского, опубликовавшем объемный труд (550 с.), в котором подробно проанализированы выборы в Государственную думу и Государственный совет в губерниях Западного края и, в частности, электоральное поведение польских землевладельцев⁴². Сокращение польского представительства в Государственной думе от указанных территорий (20 депутатов в первом созыве, 12 — во втором, 7 — в третьем, 5 — в четвертом) автор связывает с возраставшим от одной избирательной кампании к другой административным вмешательством и, конечно же, с последствиями принятия избирательного закона 3 июня 1907 г., а «польские победы» на выборах в Государственный совет, по его мнению, закончились в связи с введением в 1911 г. земских учреждений в губерниях Западного края. Р. Юрковский к настоящему времени является единственным представителем современной западной историографии, участвовавшим в работе «Таврических чтений» (2011 и 2012 г.)⁴³.

После распада СССР в отдельный сегмент зарубежной историографии выделилось изучение парламентской истории Российской империи в государствах постсоветского пространства. Определенной динамикой этот процесс обладает в Украине, где еще в советские времена формировалась традиция исследования избирательных кампаний в Государственную думу⁴⁴. Относительно регулярно украинскими историками защищаются диссертации, публикуются монографии и статьи. Их внимание фокусируется на анализе думских выборов в украинских губерниях, социального облика депутатов от этих губерний, артикуляции украинского

национального вопроса в нижней палате имперского парламента⁴⁵.

Устойчивым интересом к думским сюжетам отличается исследовательская деятельность А.А. Коники⁴⁶ и А.Л. Глушковецкого⁴⁷. А.А. Коник первым из современных украинских историков защитил диссертацию по данной проблематике, в которой указывалось, что представительство украинского вопроса в Государственной думе третьего и четвертого созывов «ссохлось как шагреновая кожа», что в этих думских созывах «стенограммы выступлений депутатов от украинских губерний мало чем отличались от стенограмм выступлений представителей от великорусских губерний»⁴⁸. А.Л. Глушковецкий, заинтересовавшийся думской тематикой еще на студенческой скамье⁴⁹, опубликовал к настоящему времени около двух десятков работ, включая монографию, посвященную выборам и деятельности депутатов от Подольской губернии во всех созывах Государственной думы. На «Таврических чтениях» в 2012 г. им был представлен доклад, в котором анализировались региональные особенности организации первых думских выборов в этой губернии⁵⁰.

Аналогичные сюжеты, безусловно, с учетом национальной специфики привлекают казахских и белорусских историков. Ведущим специалистом по данной проблематике в Казахстане является О. Озганбай, учебное пособие которого обобщило результаты его многолетних исследований представительства интересов Степного края в Государственной думе и уже выдержало два издания⁵¹.

Среди белорусских историков устойчивым интересом к думским сюжетам выделяется научное творчество Н.М. Забавского, в котором стереотипы советской историографии сочетаются с идеями, отражающими поиск новой белорусской идентичности⁵². Анализу политических позиций думцев от белорусских губерний посвящена серия работ А.Д. Гронского⁵³. Более широким подходом к думской проблематике, акцентом на общероссийском контексте выделяются работы Д.С. Лавриновича⁵⁴. В то же время при оценке общего состояния белорусской историографии истории Государственной думы Российской империи А.Д. Гронский вынужден констатировать отсутствие «особого интереса» к данной предметной области, объясняя это тем, что подобный «сюжет не является значимым для обоснования белорусского суверенитета...»⁵⁵. По большому счету приведенное замечание справедливо в отношении развития историографии думской проблематики на всем постсоветском пространстве, впрочем, за исключением ее украинского сегмента. В частности, А.Л. Глушковецкий обращает внимание на то, что изменения, происшедшие в Российской империи начала XX в., в определенной мере подобны тем, которые характерны для сегодняшней Украины, а первая попытка введения парламента как активного субъекта государственной власти на большей части территории Украины, по его мнению, связана с выборами в имперскую Государственную думу⁵⁶.

Вплоть до современного этапа отечественная историография парламентской истории России развивалась практически вне связи с исследованиями зарубежных русистов. В настоящее время дело обстоит принципиально иным образом: российские историки публикуются в зарубежных изданиях, появляются и совместные работы⁵⁷. «Столетие» отечественного парламентаризма было отмечено не только многочисленными

научными мероприятиями в России, но и конференцией, проведенной в сентябре 2006 г. на базе отделения Восточноевропейской истории Рейнского университета в Бонне, в которой приняли участие историки из Австрии, Германии, Израиля и России⁵⁸.

Сложившаяся историографическая ситуация позволяет констатировать, что совместными усилиями отечественных и зарубежных исследователей в исторической науке окончательно сформировалось новое направление — парламентская история России. В рамках данного направления подробно изучены событийная канва истории Государственной думы, в меньшей степени — Государственного совета, думские избирательные кампании, механизмы функционирования и партийный ландшафт обеих законодательных палат, представительство этноконфессиональных и региональных интересов в новой политической системе. Необходимо отметить, что в 1960-е — 1980-е гг. определенное лидерство в анализе парламентских сюжетов из российской истории следует признать за зарубежными русистами, по крайней мере, они были корректнее в своих интерпретациях (по мнению Л. Хеймсона, официальная советская историческая методология всегда была «узкой и слепой»⁵⁹). На современном же этапе отечественная историография проблемы характеризуется большей плюралистичностью методологических парадигм, используемых для объяснения направленности политического процесса в тогдашней России, и расширяющимся применением междисциплинарных исследовательских практик. Исследователи, не удовлетворяясь использованием только традиционных методов исторической науки, обращаются к теории и методам политического анализа, математической статистики, современным информационным технологиям, позволяющим создавать информационные системы и компьютеризированные базы данных депутатского корпуса и парламентского поведения⁶⁰. К тому же отечественные исследователи оказались современниками процесса становления парламента в сегодняшней России. Собственный политический опыт позволяет иначе взглянуть на прошлое, усиливает скепсис по отношению ко многим стереотипам советской историографии.

Сегодняшнее состояние историографии парламентской истории России начала XX в. таково, что приращение знания в рамках данного направления связано не только и уже не столько с введением в научный оборот новых отдельных фактов. На первый план выходит потребность в современных, базирующихся на междисциплинарном синтезе интерпретациях политического процесса в последнее для Российской империи десятилетие, в том числе и в парадигме новой политической истории, предполагающей смещение акцентов с институциональной составляющей политики на антропологическое объяснение феномена политического.

¹ См., напр.: *Charles P.* Le Parlement Russe. Son organisation — ses rapports avec l'Empereur. P., 1910; *Harper S.* The New Electoral Law for the Russian Duma. Chicago, 1908; *Palme A.* Die Russische Verfassung. B., 1910; *Pares B.* Russia and Reform. L., 1907; *Recouly R.* Le Tsar et la Douma. P., 1906; *Rennet F.* The Campaign against the Duma // *Russian Review*. 1913. Vol. 2. № 3. P. 137—141; *Tyrngren J.A.* Den Tredje Duman. Stockholm, 1912; *Tyrngren J.A.* L'Evolution de

la Russie pendant les années 1904–1907. Р., 1914. Уже в дореволюционный период взгляды европейских правоведов стали предметом аналитических обзоров, см. напр.: *Неровецкий И.* Русские конституционные проблемы в современной французской литературе // *Право.* 1910. № 21. Стб. 1309–1313; *Тагер А.* Русская конституция в немецком освещении // *Право.* 1910. № 48. Стб. 2915–2918.

² *Chasles P.* Op. cit. Р. 21, 168, 179, 200.

³ *Вебер М.* Переход России к псевдоконституционализму // *Вебер М.* О России: Избранное. М., 2007. С. 66, 68, 69. Представляется, что составитель данного сборника работ М. Вебера А.С. Кустарев не вполне точно переводит «Scheinkonstitutionalismus» как «псевдоконституционализм». Более точным является перевод этого немецкого понятия как «мнимый конституционализм». Именно в таком переводе использовал данное понятие П.Н. Милюков, а в настоящее время – А.Н. Медушевский. Кстати, А.С. Кустарев ранее также использовал термин «мнимый конституционализм», см.: *Кустарев А.С.* Обществоведение Вебера и российская фактура // *Россия и современный мир.* 2005. № 4. С. 134 и др. О бытовании понятия мнимый конституционализм в начале XX в. см.: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 23. Вероятно, термин «лжеконституционализм», встречающийся в работах В.И. Ленина, является еще одним вариантом перевода «Scheinkonstitutionalismus». О знакомстве лидера большевиков с работами М. Вебера, посвященными политическим проблемам России, см.: *Ленин В.И.* Доклад о революции 1905 года // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 324–325.

⁴ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 23.

⁵ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника). Л., 1991. С. 6, 7, 9, 51.

⁶ *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. М., 1992. Т. II. С. 9.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ *Levin A.* The Second Duma: A Study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. New Haven, 1940.

⁹ *Haimson L.H.* Preface // *The Politics of Rural Russia, 1905–1914.* Bloomington, 1979. P. VII.

¹⁰ *Эммонс Т.* П.А. Зайончковский – научный руководитель иностранных стажеров // *П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нем.* М., 1998. С. 119.

¹¹ См.: *Korros A.S.* Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911. Lanham, 2002. P. IX–X.

¹² Ср.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968 и *Tokmakoff G.* P.A. Stolypin and the Third Duma: An appraisal of the Three Major Issues. Washington, D.C., 1981.

¹³ *Аврех А.Я.* 1) Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 20–21; 2) Столыпин и Третья Дума. С. 7; 3) Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 7.

¹⁴ *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma

1907–1914. L., Cambridge, 1973. P. 44.

¹⁵ *Conroy M.S.* Peter Arkadevich Stolypin: Practical Politics in Late Tsarist Russia. Boulder, Col., 1976; *Doctorow G.S.* Fundamental State Laws of 23 April 1906 // *Russian Review*. 1976. Vol. 35. № 1. P. 33–52; *Haimson L.H.* The Russian Landed Nobility and the System of the Third of June // *The Politics of Rural Russia, 1905–1914*. Bloomington, 1979. P. 1–29; *Hamm M.F.* Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of the Progressive Bloc // *Slavic Review*. 1974. № 3. P. 453–468; *Healy A.E.* The Russian Autocracy in Crisis, 1905–1907. Hamden; Connecticut, 1976; *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment; *Levin A.* 3 June 1907, Action and Reaction // *Essays in Russian History*. Connecticut, 1964. P. 231–274; *Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of Duma Monarchy. Bruxelles, 1976; *Tokmakoff G. P.A.* Stolypin and the Second Duma // *The Slavonic and East European Review*. 1972. Vol. 40. P. 49–62; *Tokmakoff G. P.A.* Stolypin and the Third Duma; *Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

¹⁶ *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907–1917. New Brunswick; N.-Y., 1980; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; L., 1983; *Pinchuk B.-C.* The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912. Seattle; L., 1974; *Rexheuser R.* Dumawahlen und locale Gesellschaft: Studien zur Sozialgeschichte der russischen Rechten vor 1917. Kln; Wien, 1980; *Vinogradoff E.D.* The Russian Peasantry and the Elections to the Fourth State Duma // *The Politics of Rural Russia, 1905–1914*. Bloomington, 1979. P. 219–260; *Zimmerman J.E.* The Kadets and the Duma, 1905–1917 // *Essays on Russian Liberalism*. Columbus, 1972. P. 119–138.

¹⁷ *Levin A.* The Second Duma: A Study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. Hamden; Connecticut, 1966; *Levin A.* The Third Duma: Election and Profile. Hamden, 1973; *Mosse W.E.* Russian Bureaucracy at the End of Ancien Regime: The Imperial State Council, 1897–1915 // *Slavic Review*. 1980. № 4. P. 616–632; *Wolters M.* Außenpolitische Fragen vor der vierten Duma: ein Beitrag zur Geschichte des russischen Parteiwesens in der konstitutionellen Monarchie, insbesondere der Stellung zur Außenpolitik während des Ersten Weltkrieges. Hamburg, 1969.

¹⁸ *Walkin J.* The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia: Political and Social Institutions under the Last Three Czars. L., 1963.

¹⁹ О дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» в американской историографии проблемы итогов модернизации России к началу Первой мировой войны см.: *Wcislo F.B.* Reforming Rural Russia: State, Local Society and National Politics, 1855–1914. Princeton, 1990. P. 306–307. Английский исследователь П. Дьюкс полагал, что на усиление пессимистических оценок у западных историков повлияли работы их советских коллег, см.: *Dukes P.* A History of Russia. L., 1974. P. 5.

²⁰ *Von Laue T.H.* The Prospects of Liberal Democracy in Tsarist Russia // *Essays on Russian Liberalism*. P. 170–176.

²¹ Wood A. The Origins of the Russian Revolution, 1861–1917. L.; Methuen, 1987. P. 5; Verner A.M. The Crisis of Russian Autocracy. P. 6.

²² Fitzpatrick S. The Russian Revolution. Oxford, 1982. P. 33.

²³ Hosking G. Op. cit. P. VII, 28.

²⁴ Ibid. P. 10–13, 243–246. По мнению немецкого историка Д. Гейера, кризис модернизационной модели «парламентской демократии» в России привел к реализации иной модели модернизации — революции 1917 г., см.: Geyer D. The Russian Revolution. Berg, 1987. P. 147.

²⁵ Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia.

²⁶ Объем приведенных в работе статистических и иных данных вполне позволяет оценивать монографию Т. Эммонса как «энциклопедическую по своему охвату книгу», см.: *Большакова О.В. П.А. Зайончковский и американская русистика 1960–1980-х гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 834.* Профессор Г. Хэмбург, бывший студент и аспирант Т. Эммонса в Стэнфордском университете, отметил, что его книга является «непревзойденным комментарием к электоральной политике в России в начале XX в.», см.: *Хэмбург Г. От социальных исследований — к литературному нарративу: Т. Эммонс и изучение истории Российской империи в период с 1968 по 2004 г. // Отечественная история. 2005. № 5. С. 162.*

²⁷ Emmons T. Op. cit. P. 376–377.

²⁸ Burbank J. Revisioning Imperial Russia // Slavic Review. 1993. № 3. P. 555.

²⁹ См.: Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-Government, State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I / Ed. by M.S. Conroy. Niwot, 1998. P. 1. В этой связи нельзя не отметить расширение географии исследований, в частности появление работ по рассматриваемой проблематике в японской русистике, см., например: *Кано Т. 1. Политическая реформа и интеграция народов Российской империи в начале XX в. // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 137–155; 2) Думское законодательство начала XX века и его значение для государственного единства Российской империи // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. 22. P. 73–94.*

³⁰ Waldron P. Between Two Revolutions. Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. De Kalb, 1998; Ascher A. P.A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, California, 2001; Korros A.S. Reluctant Parliament.

³¹ Waldron P. Op. cit. P. 183, 175

³² Canadian Slavonic Papers. 2000. Vol. 42. № 3. P. 386.

³³ Emerging Democracy in Late Imperial Russia.

³⁴ Slavic Review. 1999. Vol. 58. № 1. P. 232.

³⁵ The American Historical Review. Vol. CIX. 2004. № 1. P. 285.

³⁶ Korros A.S. Reluctant Parliament. P. 6.

³⁷ Ibid. P. 223–229, 7.

³⁸ Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995.

р. 152–224, 228.

³⁹ *Dahlmann D.* Die Provinz wdhl. RuЯlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906–1912. Kцln, Weimar, Wien, 1996. S. 3, 177–179.

⁴⁰ Ibid. S. 207, 249, 271, 329.

⁴¹ См., напр.: *Grabski W.* Koio Polskie w Drugiej Izbie Pacstwowej Rosyjskiej wobec potrzeb naszego ludu wiejskiego. Warszawa, 1907; *Nowodworski F., Tyszkiewicz W.* Koio polskie w pierwszej izbie pacstwowej rosyjskiej. Warszawa, 1907; *Nowodworski F., Wigura J.* Projekty ustawodawcze pierwszej izby pacstwowej rosyjskiej. Warszawa, 1907; *Wierzchowski M.* Sprawy Polski w 3 i 4 Dumie Pacstwowej. Warszawa, 1966; *Jukawski Z.* Koio Polskie w Rosyjskiej Dumie Pacstwowej w latach 1906–1909. Wrocіaw, 1967; *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970; *Brzoza Cz., Stepan K.* Posiowie Polscy w Parlamencie Rosyjskim, 1906–1917: Siownik biograficzny. Warszawa, 2001.

⁴² *Jurkowski R.* Sukcesy i porazki. Ziemiaцstwo polskie Ziem Zabranych w wyborach do Dumy Pacstwowej i Rady Pacstwa 1906–1913. Olsztyn, 2009. Англоязычный вариант данного издания см.: *Jurkowski R.* Successes and Failures. Polish Landowners from the Nine Western Provinces in the Elections to the Russian State Duma and State Council in the Years 1906–1913. Olsztyn, 2010.

⁴³ *Юрковский Р.Я.* 1) Было ли возможным сотрудничество польских и русских помещиков-землевладельцев в 9 западных губерниях во время выборов в I–IV Государственные думы и Государственный совет в 1906, 1909, 1910 и 1913 годах? // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 51–62; 2) Польские депутаты Государственного совета против попыток П.А. Столыпина введения в 1906 году земств в западных губерниях // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013.

⁴⁴ *Габ Т.С.* Выборы в IV Государственную думу по рабочей курии на Украине: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Киев, 1954; *Михайлова В.И.* К вопросу о факторах формирования политической сознательности крестьянства в период выборов в I Государственную думу (на материалах украинских губерний) // Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР. Вып. 4. Днепропетровск, 1973. С. 96–104; *Попик В.И.* Политическая борьба на Украине вокруг выборов в III Государственную думу. Киев, 1989.

⁴⁵ *Доморослий В.І.* 1) Діяльність Української парламентської громади у I та II Державних думах (1906–1907 рр.): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Київ, 1994; 2) Українська громада у Державній думі // Віче. 1998. № 4 (73). С. 130–134; *Киян М.Ш.* 1) Представительство от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906–1907 гг.). Харьков, 1997; 2) Депутаті від українських губерній та міст у Державній думі Російської імперії першого та другого скликань (1906–1907): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Харків,

1998; Білокін О.І. Українське питання у Державній думі Російської імперії (1906–1917 рр.): Автореф. дисс. ... к. іст. н. Харків, 2001; Топка Р.В. Формування суспільно-політичних ідеалів українського селянства за наказами та ухвалами до І Державної Думи: джерелознавчо-методологічний аспект: Автореф. дисс. ... к. іст. н. Дніпропетровськ, 2002; Бурда І.О. Національне питання в Росії 1905–1907 рр. (на матеріалах Державної Думи першого та другого скликань): Автореф. дисс. ... к. іст. н. Київ, 2004; Милько В. Депутати від українських губерній та міст у Державних думах Російської імперії: динаміка етносоціального та політичного складу (1906–1917 рр.) // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. С. 162–174.

⁴⁶ Коник О.О. Діяльність селянських депутатів з України у І та ІІ Державних Думах: Автореф. дисс. ... к. іст. н. Київ, 1994; Коник А.А. Украинские крестьяне на выборах в I Государственную думу // Отечественная история. 2006. № 3. С. 103–114; Копук О. Українці в російській Думі Радської // Українські традиції парламентаризму XIX–XX століття. Київ, 2006.

⁴⁷ Глушковецький А.Л. 1) Вибори до Державних Дум і становлення парламентаризму в Російській імперії у 1906–1917 рр. (на матеріалах Подільської губернії): Автореф. дисс. ... к. іст. н. Чернівці, 2008; 2) Демократія в провінції: Вибори та діяльність депутатів Подільської губернії у Державних Думах Російської імперії. Кам'янець-Подільський, 2010.

⁴⁸ Коник О.О. Селянські депутати з України в Державних Думах Російської імперії // «Українське питання» в Російській імперії (кінець XIX – початок XX ст.). Київ, 1999. Ч. 2. С. 462.

⁴⁹ Глушковецький А. Особливості організації та проведення виборів до І Державної Думи на Поділлі // Збірник наукових праць студентів історичного факультету Кам'янець-Подільського державного університету. Кам'янець-Подільський, 2004. Вип. 1.

⁵⁰ Глушковецький А.Л. Региональные особенности организации выборов в I Государственную думу Российской империи в Подольской губернии // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013.

⁵¹ Озганбай О. Государственная дума России и Казахстан (1905–1917). Алма-Аты, 2006. См. также: Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906–1917 гг. (Социокультурный подход). Алма-Аты, 2006.

⁵² Забайські М.М., Пуцик У.С. Представительства ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.). Мінск, 1998; Забайські М.М. 1) Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Мінск, 1999; 2) Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў I дзейнасці расійскай Дзяржаўнай думы I–IV скліканняў (1906–1917 гг.): Аўтарэф. дыс. ... д. гіст. н. Мінск, 2000; 3) Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.). Мінск, 2008.

⁵³ Гронский А.Д. 1) Политические позиции белорусских депутатов в

Государственных думах императорской России // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. Минск, 2006. Вып. 3. С. 31–44; 2) Национальный вопрос и депутаты белорусских губерний в Первой Государственной Думе: [1906] // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. Минск, 2006. Вып. 4. С. 39–51.

⁵⁴ Лавринович Д.С. 1) Источники по истории Государственной думы России начала XX века в фондах Российского государственного исторического архива // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2. Мінск, 2005. С. 201–206; 2) Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев, 2006; 3) Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев, 2009.

⁵⁵ Гронский А.Д. Государственная дума Российской империи в современной белорусской историографии // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 239. Кстати, А.Д. Гронский стал первым историком из ближнего зарубежья, принявшим участие в работе Таврических чтений с докладом по проблематике парламентской истории России начала XX в.

⁵⁶ Глушковецкий А. Демократія в провінції. С. 4.

⁵⁷ См., напр.: Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005; Selunskaja N.B., Filippov Ju. M. Wahlen und Wdhler zur Zweiten Duma: Lokale Profile // Von Duma Zu Duma: Hundert Jahre Russischer Parlamentarismus / Hg. von D. Dahlmann und P. Trees. Göttingen, 2009. S. 49–80; Циунчук Р. Открытие I Государственной Думы: народы, регионы, власть // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. 22. P. 310–323.

⁵⁸ Опубликованные материалы конференции см.: Von Duma Zu Duma: Hundert Jahre Russischer Parlamentarismus.

⁵⁹ См.: Хеймсон Л. О времени и о себе // Отечественная история. 2005. № 6. С. 196.

⁶⁰ Обстоятельный анализ современных тенденций в отечественной историографии истории Государственной думы см.: Могилевский, К.И., Циунчук, Р.А., Шелохаев, В.В. Государственная дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 3–17; Лукоянов И.В. Современная российская историография Государственной думы (наблюдения) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар 11 декабря 2007 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 181–194; Николаев А.Б. IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX в. СПб., 2008. С. 195–210.